

МАКСИМИЛИАН
ВОЛОШИН

РОССИЯ РАСПЯТАЯ

ББК 84 Р6

Составление В. И. Цветкова

Вступительная статья и комментарии
Э. С. Менделевича

Художник Ю. Бедарев

Россия распятая: сборник статей и стихов
М. А. Волошина / Сост. В. И. Цветков. —
М.: Агентство "ПАН", 1992. — 252 с.

В $\frac{4702010201014}{5-7316-92}$ без объявл.

ISBN 5-7316-0014-7

- © В. И. Цветков.
Составление.
Э. С. Менделевич.
Вступ. статья, ком-
ментарии, 1992.
© Ю. Бедарев
Оформление

САМОГОН КРОВИ

"Человек — это обезьяна,
которая сошла с ума".

Ницше

В языческом мире в таинствах дионисических оргий кровь человеческих жертвоприношений была превращена в вино. Ее лечили вином и пляской в таинствах дионисических оргий.

Кровожадность стала хмелем, убийство — трагедией.

В христианском таинстве вино превращается в кровь. То, что в языческом мире было хмелем, становится приобщением тела и крови Христовой.

Начало войны в России было ознаменовано запрещением употребления вина: государство замкнуло родники того хмеля, которым кровожадность претворяется в трагедию. И тогда пролились реки крови.

Первым действием революции была отмена смертной казни: тогда реки крови превратились в океаны.

Монополия вина выгодна для государства. Оно вольно устанавливать ее или отменять. Но когда государство запрещает употребление вина, оно прекращает действие тех языческих мистерий, которые в христианском мире продолжают свое древнее претворение крови в вино.

И кровь, не претворенная в вино, хлещет потоками.

Пример — мусульманство, запрещающее употребление вина <и> возводящее пролитие крови неверных в религиозный догмат.

Но есть монополии, от которых государство не имеет права отказываться, потому что они составляют основу его бытия и смысл его существования.

Первая из них — это монополия пролития крови. Государство говорит: никто не имеет права проливать кровь, помимо меня. И тогда прекраща-

ется война всех против всех и возникает возможность мирного развития общества.

У президента республики — символического фантома державного средоточия — не отнимается только одна прерогатива царства: право неутверждения смертного приговора; отнять ее — это вынуть ось из колеса, без нее государство теряет основную точку своего приложения.

Когда отменяется винная монополия — начинается самогон вина, когда отменяется смертная казнь — начинается самогон крови.

Стихийные силы, сдавленные ободами государственного принуждения, прорываются наружу.

Отмена смертной казни, бывшая первым актом революционного правительства, была жестом прекрасным и благородным, но преступным и роковым.

Смертная казнь была отменена партией, борющейся с прежним правительством посредством кровавого террора.

Моральная красота этой нелепости не помешала ей принести все то зло, которое скрывала она.

Помню, как в те дни, когда праздновалась бескровность русской революции, я говорил своим друзьям:

"Вот признак, что русская революция будет очень кровавой и очень жестокой".

Говорил — потому что в то время писать об этом было нельзя, так как только что была завоевана свобода слова. А когда завоеывается свобода слова — свобода мысли кончается. Потому что свобода слова в политической жизни оказывается "словами на свободе".

Кроме чисто государственной ошибки в отмене смертной казни был еще один тревожный психологический признак.

Этот акт указывал, что люди, оказавшиеся у власти, прекраснодушны, чисты и полны самых благородных идей. Такие люди не могут управлять раз-

бушевавшей солдатчиной и руководить расплывающейся по швам империей, так как политика — дело грязное и требует рук, запачканных в крови.

Добрые люди во главе государства приносят несравненно больше зла, чем злые; недаром ад вымощен добрыми намерениями.

Тогда по всей России начался самогон крови. Среди падения всех видов промышленности производство крови осталось единственной отраслью, процветавшей и развивавшейся... Среди дороговизны всех продуктов человеческая жизнь осталась единственным дешевым и доступным товаром.

Постепенно кустарный самогон крови, практиковавшийся во всех углах России, стал превращаться в более крупные промышленные предприятия. Частные производители не могли, в большинстве случаев, выдержать конкуренции крупных предпринимателей, и все, волей-неволей, стали работать на гражданскую войну. Случайно сохранившиеся фирмы, вроде Махно, составляют исключение и обречены на банкротство.

Гражданская война поставила выгонку крови на широкую ногу, и о сокращении производства в ближайшие годы нечего и думать.

Для того, чтобы самогон крови довести до экономического расхода смертной казни, ее самое довести до нормального минимума, надо сперва весь пассив самогона покрыть активом казней. Так что, для того, чтобы снова установить кровавую монополию, государству надо выбросить на рынок количество, не меньше, чем то, что было выработано при вольной продаже. Этот железный закон лежит в самой сущности государственной власти.

Государство отнюдь не есть добро.

Природа государства злая.

Государство не имеет власти претворять зло в добро: это область церкви.

Церковь, как власть теократическая, преобра-

жает человеческую злую сущность и освящает земное хозяйство.

Государство же может только сосредоточивать в себе частное, кустарное зло: "монополизирует" его.

Преступник для церкви — грешник, для государства — отнюдь не грешник — он конкурент. Поэтому государство устраняет конкурента.

Тем не менее, государство выгодно, так как, сосредоточивая в себе, как в фокусе, насилие, пролитие крови, обман и эгоизм, оно уменьшает их количество и представляет удобства в деле нормального распределения насилий.

Для современного хозяйства и машинной промышленности, то есть для того, что сейчас называется культурой (ибо культура — понятие религиозное), — государство необходимо.

Смертная казнь есть такое же практически необходимое учреждение, как государство.

Она есть усугубленное и сосредоточенное зло.

Любое убийство — самое зверское, самое подлое — морально в тысячу раз лучше самой законной смертной казни.

Поэтому со смертной казнью отнюдь не должны соединяться священные идеи справедливости и возмездия.

Это лицемерие, не подобающее верховной государственной власти.

Смертная казнь должна быть простым практическим делом.

Данное лицо при данных обстоятельствах опасно для государства: оно должно быть уничтожено.

Но если нарушитель государственной безопасности представляет собой силу, которая может быть использована государством, то долг правителя — использовать ее, а не тратить попусту.

Так воры и грабители часто привлекаются на службу в полицию, если их услуги могут там быть

полезными.

Злоупотребление идеей справедливости в делах практической полезности не может принести ничего, кроме вреда.

И оно обычно приносит его, особливо во время гражданских войн, когда две или три человеческих справедливости, облаченных всем авторитетом государственной власти, бывают противопоставлены друг другу.

Справедливость остается священной, когда она принадлежит Господу Богу.

В человеческих руках она превращается в таблицу для умножения трупов.

Отправление справедливости не есть дело человеческого разума и доброй воли.

Поэтому еще в Ветхом Завете была установлена ясно и твердо божественная монополия на справедливость великим словом:

"Мне отмщение и Аз воздам!"

"Ли накам ве шиям!"

1919г., июнь